# ТИШИНА ЧЁРНОГО ОЗЕРА

Сквозная редактура рукописи

# Пролог. Последняя ночь Шарлотты

Осенью 1995 года дождь стучал по окнам Уинтерборн-холла с такой настойчивостью, будто кто-то пытался проникнуть внутрь. За стеклом чернело озеро, лежавшее в чаше между холмами Северного Йоркшира. Его поверхность оставалась гладкой даже тогда, когда ветер гнул дубы и срывал с крыши сланцевую крошку. Шарлотта Уинтерборн стояла у письменного стола, держа в руке свидетельство о смерти. Бумага пахла сыростью и старым клеем. В графе «причина» значилось: несчастный случай. В графе «место» — восточный берег озера. Но подпись врача была поддельной. Шарлотта знала это теперь наверняка: настоящий доктор умер за два года до указанной даты.

Она услышала шаги в коридоре и поспешно спрятала бумаги под съёмную доску в нижнем ящике стола. Серебряный ключ остался у неё в ладони.

В последнюю осень Шарлотта особенно остро замечала, как меняется дом. Сквозняки находили дорогу даже в запертые комнаты, на лестнице пахло мокрой шерстью старых ковров, а в библиотеке книги постепенно отступали от края полок, словно кто-то каждую ночь осторожно перебирал их. Она знала, что у каждого странного звука есть причина. И всё же, оставшись одна, невольно прислушивалась к коридору: в нём слышались не шаги призраков, а эхо решений, которые семья принимала много лет назад.

— Кто здесь? — спросила она. За дверью молчали. Напольные часы в холле ударили два раза, затем оборвали

третий удар. Шарлотта посмотрела на карманные часы: стрелки застыли. Снизу, со стороны библиотеки, послышался лёгкий звон. Она знала этот звук: стеклянная дверь в зимний сад задевала медный колокольчик, если её открывали слишком быстро. Однако дверь была заперта с вечера.

Шарлотта разложила на письменном столе три предмета: потёртый ключ, фотографию молодой женщины возле плотины и копию земельного плана. Ключ она получила от Дороти, фотографию нашла в старом альбоме, а план — среди бумаг управляющего. По отдельности каждый предмет мог показаться ничтожным. Вместе они напоминали о том, что прошлое семьи было устроено не так, как его описывали за воскресным обедом. Шарлотта знала: прежде чем обвинять кого-либо, ей придётся проверить происхождение каждой вещи.

Она открыла окно, и в комнату вошёл холодный запах мокрых листьев. Снизу доносился скрип плохо закреплённой калитки. Когда-то этот звук пугал её: в детстве рассказывали, что калитка открывается сама перед несчастьем. Потом Шарлотта обнаружила, что петля перекосилась, а защёлка почти не держится. Легенда не исчезла, хотя причина была известна. Так происходило и с другими историями Уинтерборн-холла. Людям оказывалось проще повторять красивую неправду, чем признать неприятный факт.

На последней странице блокнота она вывела имена Роберта Марша и Беатрис Уинтерборн, а между ними оставила свободное место. Она не знала, какую связь следует поставить между ними. Дружба, помощь, общая

попытка остановить опасные работы — всё это ещё требовало подтверждения. Шарлотта закрыла блокнот, убрала ключ в конверт и написала несколько слов человеку, которому однажды могла доверить расследование. За дверью послышались шаги. Она не стала прятать бумаги поспешно: страх не должен был управлять её действиями.

Шарлотта накинула шерстяную шаль и спустилась по лестнице. В библиотеке горела одна лампа. На полу, рядом с дверью, лежал мокрый отпечаток подошвы. Кто-то пришёл с берега.

— Я нашла запись, — сказала Шарлотта в темноту.

— Теперь я знаю, что официальная версия событий у плотины не совпадает с документами. Из зимнего сада ответил голос, который она хорошо знала:

— Тогда ты понимаешь, почему нельзя было открывать архив. Шарлотта не закричала. Она крепче сжала ключ. Она ещё не знала, кто именно стоял за прежними распоряжениями и насколько далеко этот человек был готов зайти, чтобы скрыть их. Но поняла другое: легенда об озере слишком часто служила оправданием для молчания. Наутро Шарлотту нашли у воды. Полиция записала: падение с каменной пристани во время бури. Обстоятельства остались невыясненными. Серебряного ключа при ней не оказалось. А часы в холле с той ночи стояли.

# Глава 1. Письмо из прошлого

Тридцать лет спустя частный детектив Виктория Эшфорд получила конверт без обратного адреса. Почтовый штемпель был свежим, но бумага — плотной, кремовой, с водяным знаком фабрики, закрывшейся ещё в девяностых. Внутри лежало письмо: «Найдите моего убийцу, прежде чем озеро заберёт следующего». Подпись: Шарлотта Уинтерборн.

Виктория перечитала послание трижды. Она не верила в послания мёртвых, но верила в людей, которым выгодно заставить других поверить в невозможное. Подпись она сравнила с образцом из газетного архива: характерный длинный росчерк под буквой «Б» совпадал. Её офис находился в Йорке, над книжной лавкой на узкой улице. Утренний дождь серебрил черепичные крыши. Виктория открыла старую газетную вырезку:

Конверт казался обыкновенным, пока Виктория не заметила аккуратный сгиб на его обороте. Бумага была плотнее современной канцелярской, края чуть пожелтели, но надпись сохранила чёткость. Она не стала делать выводов о возрасте письма по одному только виду. Слишком легко состарить бумагу и слишком трудно подделать целую историю. За окном шёл дождь, и Виктория мысленно перечисляла вопросы, с которыми предстояло приехать в поместье: кто отправил конверт, кому было выгодно её появление и почему адресатом выбрали именно её.

«Трагедия в Уинтерборн-холле». На снимке у входа в поместье стояли четверо: Шарлотта, её муж Эдвард, младший брат Джонатан и управляющий Джордж Кроуфорд.

Телефон зазвонил прежде, чем она успела сделать пометку.

Виктория не сразу ответила на письмо. Она достала из шкафа тонкую папку с прежними делами и перечитала собственные записи о людях, обращавшихся к ней от имени умерших родственников. Обычно такие истории оказывались спорами о наследстве или попытками заставить кого-то заговорить. Но здесь отправитель выбрал странный способ: он не требовал денег, не предлагал награды и почти ничего не объяснял. Виктория поставила на листе дату получения, затем отдельно записала, какие обстоятельства можно проверить независимо от содержания письма.

— Ты снова собираешься ехать в дом, где никто не хочет отвечать на вопросы? — спросила её знакомая архивистка, когда Виктория позвонила узнать о семье Уинтерборнов.

— Пока я собираюсь узнать, существует ли история, о которой мне написали.

— Это не одно и то же?

— Совсем не одно. Письмо может быть подлинным, а рассказ в нём — ошибочным. Или наоборот.

Архивистка помолчала, затем пообещала проверить старые газетные заметки. Виктория поблагодарила её и попросила не искать сенсаций. Ей нужны были даты, имена и документы, а не пересказы легенды об озере.

Перед дорогой она купила чистый блокнот и тонкие бумажные конверты для копий. Подготовка казалась чрезмерной для поездки, основанной на нескольких строках, но Виктория давно знала: важные детали исчезают первыми, когда человек начинает полагаться на память. Она сложила

вещи в сумку и ещё раз посмотрела на подпись Шарлотты. Даже если её поставил кто-то другой, это имя уже привело к ней живых людей, которым было что скрывать.

— Мисс Эшфорд? — спросил женский голос.

— Меня зовут Ребекка Уинтерборн. Я не знаю, кто отправил вам письмо, но вчера в нашем доме исчезла экономка. И остановились часы. Ребекка говорила ровно, однако на последнем слове её голос дрогнул.

— Вы обращались в полицию?

— Конечно. Они считают, что миссис Хейз уехала по собственному желанию. Но её пальто осталось на крючке. И лекарства тоже. Виктория посмотрела на конверт.

— Я приеду сегодня вечером. Когда разговор закончился, она обнаружила на внутренней стороне клапана едва заметную карандашную надпись: «Спросите о второй пристани». Она не заметила её прежде. Или надпись проступила только теперь, когда бумага согрелась у настольной лампы? Виктория отвергла вторую мысль и записала слова в блокнот.

Всю дорогу к дому Виктория вспоминала последнее дело, из-за которого она покинула полицию. Тогда один свидетель уверял, что слышал голос умершей сестры. Оказалось, кто-то воспроизводил запись через старую телефонную линию. Но пока следователи искали устройство, свидетель погиб в автомобильной аварии.

Виктория так и не смогла доказать, была ли авария случайной. С тех пор она особенно не любила истории, где сверхъестественное служило удобным объяснением

человеческой жестокости. В Роуэнби ей встретилась женщина в тёмном плаще. Та стояла у закрытой автобусной остановки и смотрела на дорогу, ведущую к поместью. Когда Виктория спросила, не нужна ли помощь, незнакомка ответила: «В этом доме двери открываются в обе стороны». Виктория решила, что ослышалась, но женщина уже ушла за угол каменной церкви.

Вечером, перед тем как отправиться в Уинтерборн-холл, детектив записала три возможных объяснения письма: мистификация, попытка выманить её в дом или просьба о помощи, составленная человеком, знавшим обстоятельства старой смерти. Четвёртую версию — что письмо действительно написала покойная — она оставила за пределами блокнота. На следующий день Виктория получила электронное письмо от бывшего коллеги, который проверил почтовое отделение. Конверт был отправлен из Йорка, но камера над почтовым ящиком не работала из-за ремонта. Значит, отправитель мог находиться совсем рядом с её офисом. Она вспомнила женщину у автобусной остановки и почувствовала раздражение: слишком много людей появлялись именно тогда, когда нужно было направить её внимание в определённую сторону.

Она решила вести отдельную хронологию. В одной колонке записывала подтверждённые события, в другой — рассказы свидетелей, в третьей — предположения. Эта простая привычка спасала её от ловушек, которые расставляли не только преступники, но и собственное воображение. Первым достоверным фактом было письмо. Вторым — исчезновение экономки. Всё остальное ещё требовало проверки.

# Глава 2. Дорога к озеру

Дорога из Йорка вела через вересковые пустоши, мокрые пастбища и деревни с низкими каменными домами. Чем дальше Виктория ехала на север, тем реже встречались машины. В маленьком Роуэнби, ближайшем к поместью посёлке, она остановилась у продуктовой лавки, чтобы спросить дорогу. Хозяин, седой мужчина по имени Саймон Брукс, перестал раскладывать яблоки, услышав слово «Уинтерборн».

Дорога к Уинтерборн-холлу постепенно сужалась. За последней деревней исчезли рекламные вывески, потом каменные ограды сменились зарослями терновника. На полях стояли тёмные стога, и только редкие фермерские дома выдавали присутствие людей. Виктория открыла окно машины на несколько мгновений. В воздухе чувствовались торф, влажная земля и терпкий запах листьев. Северный Йоркшир не казался ей враждебным; напротив, его сдержанная красота делала особенно заметной тревогу, с которой она приближалась к озеру.

— После поворота будет старая часовня. Не сворачивайте к озеру, даже если навигатор попросит. Мост там провалился.

В Роуэнби Виктория задержалась у маленькой лавки с деревянной вывеской. За прилавком стояла женщина средних лет, раскладывавшая газеты. Услышав название Уинтерборн-холла, она не испугалась и не перекрестилась, как ожидал бы любитель страшных историй. Она только спросила, надолго ли гостья приехала.

— Пока не знаю, — ответила Виктория.

— Я собираю сведения о прежних владельцах.

— Тогда начните не с владельцев, а с тех, кто работал у озера, — сказала женщина.

— О хозяевах писали в газетах. О рабочих — почти никогда.

Эта фраза задержалась в памяти Виктории дольше, чем рассказы о странных огнях над водой.

Дальше дорога поднималась между каменных стен. В одном месте она пересекала старый водоотвод, и Виктория остановила машину, чтобы рассмотреть бетонную кладку. На боковой плите сохранилась стёртая надпись с годом ремонта. Рядом шёл узкий канал, почти скрытый травой. Никакого отношения к расследованию эта находка пока не имела, но помогала понять местность: вода здесь подчинялась не только дождям и рельефу, но и решениям людей, которые десятилетиями строили каналы, запруды и насосные станции.

Когда показалась башня поместья, Виктория не почувствовала ни предчувствия беды, ни мистического озноба. Её поразила несоразмерность дома и окружающей земли. Огромное здание стояло над озером так, будто имело право на каждый камень и каждую тропу вокруг. Она вспомнила слова продавщицы о рабочих и решила начать разговоры не с фамильных портретов, а с хозяйственных книг.

— Давно?

— С тех пор как я был мальчишкой. Но на картах он всё ещё есть. Он долго смотрел на неё, потом добавил:

— И если увидите свет на воде, не идите за ним. Это не лодки. Поместье появилось из тумана неожиданно: три этажа серого камня, узкие башенки, высокие трубы, тёмные окна. Слева от ворот стоял флигель, справа тянулась заросшая аллея к озеру. Ветви старых тисов образовывали над ней почти непрерывный свод.

Ребекка встретила Виктория в холле. Ей было около тридцати пяти, светлые волосы она собрала в небрежный узел, под глазами залегли тени.

— Спасибо, что приехали. Моя тётя Шарлотта была единственным человеком, который пытался рассказать мне правду об этом доме. На стене висел портрет женщины с тёмными волосами. Внизу на раме была табличка: «Беатрис Уинтерборн, 1969». Виктория задержалась перед ним. Художник написал руки Беатрис особенно тщательно: на среднем пальце правой руки виднелось кольцо с чёрным камнем.

— Кто она?

— Сестра моего деда. Утонула в озере в семьдесят втором году. В нашей семье о ней не говорят. Из глубины дома раздался скрип. Ребекка побледнела.

— Это западное крыло. Там никто не живёт. Но Виктория заметила в конце коридора тонкую полоску света под дверью. Перед ужином Ребекка провела гостью по дому. В восточном крыле располагалась музыкальная гостиная, где под чехлом стоял рояль, а стены украшали акварели с

видами озера. На одном рисунке Виктория заметила длинную каменную дамбу и небольшую башенку с колесом. На современном берегу башенки не было.

— Её разобрали? — спросила она.

— Кажется, затопили при расширении водохранилища. Я никогда не видела её вживую.

— Это не природное озеро?

— Дед говорил, что здесь был небольшой водоём. Позже владельцы шахты построили плотину. После этого в деревне начали рассказывать легенды. Виктория задержалась перед акварелью. Если уровень воды искусственно регулировали, то старые береговые линии могли скрывать строения и проходы. Она попросила разрешения сфотографировать рисунок.

В библиотеке Ребекка показала семейный альбом. На одних страницах лица были подписаны, на других имена аккуратно соскоблили ножом. Снимок молодой Беатрис оказался приклеен поверх другого. Виктория приподняла уголок страницы, но не стала портить альбом.

— Кто занимался им? — спросила она.

— Бабушка. После смерти Беатрис она перестала говорить о прошлом. Иногда мне казалось, что она боится не воспоминаний, а того, что мы зададим правильный вопрос. Вечером Ребекка показала Виктории старую семейную часовню. Она стояла на краю сада, почти скрытая плющом. На каменном пороге лежали мокрые листья, а за тяжёлой дверью пахло воском и древесной пылью.

В нише возле алтаря сохранилась памятная доска, посвящённая работникам шахты. Несколько фамилий были стёрты временем. Виктория заметила, что одна табличка закреплена новыми винтами. Ребекка призналась, что её меняли после реставрации, но никто не помнил, где хранится прежняя. На обратном пути они встретили Джонатана. Он спросил, зачем детектив интересуется часовней, и получил простой ответ: в старых зданиях документы иногда хранят лучше, чем в семейных архивах.

— В нашем доме достаточно тайн без церковных историй, — сказал он.

— Тогда тем важнее выяснить, какие из них настоящие, — ответила Виктория.

# Глава 3. Комната без зеркал

Для гостьи приготовили спальню на втором этаже, окнами на сад. В комнате пахло воском, лавандой и холодной известкой. Виктория сразу заметила странность: на стенах не было ни одного зеркала, хотя светлые прямоугольники на обоях показывали, где они прежде висели. За ужином она познакомилась с остальными обитателями дома. Эдвард Уинтерборн, вдовец Шарлотты, теперь передвигался с тростью и редко поднимал глаза.

Его брат Джонатан, сухощавый мужчина с резкими движениями, управлял семейными землями. Молодой архивист Натаниэль Кроуфорд приехал месяц назад для разбора документов перед продажей поместья. Садовник Альфред Уитмор служил здесь более сорока лет.

Комната удивляла не отсутствием зеркала как такового, а следами его прежнего присутствия. На стене остались два светлых прямоугольника, а возле двери — отверстия от креплений. Виктория провела ладонью по гладкой штукатурке, не касаясь самих следов. Кто-то снял зеркала не во время ремонта: остальные предметы стояли на привычных местах. Она записала наблюдение в блокнот, отделив его от догадки. В доме, где каждый охотно рассказывал о суевериях, особенно важно было различать странность и доказательство.

— Мы собираемся продать дом, — сказала Ребекка.

— И с тех пор начались неприятности.

Ребекка принесла дополнительные одеяла и задержалась у двери, заметив, что Виктория рассматривает стену.

— Раньше здесь висело зеркало, — сказала она.

— Большое, в тяжёлой раме. Я помню его с детства.

— Кто его снял?

— Не знаю. После смерти бабушки многое убрали. Дед говорил, что вещи напоминают ему о ней.

Виктория не стала расспрашивать девушку о каждом предмете. Утрата близкого человека действительно меняет дом, и далеко не всякая перемена скрывает преступление. Но она отметила, что Ребекка сама предложила объяснение, которое могла слышать от Эдварда, а не наблюдать лично.

Позже, оставшись одна, Виктория подошла к окну. Из сада тянуло запахом сырой земли. За стеклом виднелась дорожка к оранжерее и дальний ряд деревьев. Если кто-то хотел наблюдать за гостевой комнатой, ему пришлось бы выйти на освещённую площадку. Зато изнутри было удобно видеть, кто направляется к служебным дверям. Она отодвинула штору и мысленно запомнила расположение фонарей, прежде чем выключить свет.

На прикроватном столике лежала книга с выцветшим корешком. Между страницами обнаружилась засушенная веточка лаванды. Виктория осторожно вернула её на место. Эта маленькая вещь была слишком обыкновенной, чтобы служить уликой, но почему-то успокоила её. В доме жили люди, а не только легенды. Кто-то когда-то читал здесь перед сном, забывал цветы в книгах, открывал окно летом. Именно такую повседневность семейная тайна постепенно

вытеснила из рассказов о поместье.

— Неприятности начались раньше, — негромко возразил Эдвард. Джонатан поставил бокал на стол.

— Отец, прошу тебя.

— Я не твой отец, — ответил Эдвард.

— И никогда им не был. За столом наступила тишина. Джонатан медленно откинулся на спинку стула. Позднее Ребекка объяснила, что Эдвард приходился ей дядей по браку, а Джонатан был младшим братом её покойного отца. После инсульта Эдвард иногда путал родственные связи. Но Виктория заметила, что Джонатан не выглядел удивлённым.

Ночью её разбудил звон колокольчика. Звук доносился из-за стены, словно в соседней комнате кто-то настойчиво звал прислугу. Виктория включила лампу. Часы остановились. Она вышла в коридор. На ковре блестела тонкая полоска воды, ведущая к запертой двери западного крыла. Возле порога лежал маленький серебряный предмет — пуговица с гербом Уинтерборнов.

В конце коридора мелькнула тень. Виктория бросилась следом, но за поворотом никого не было. Только открытое окно и холодный запах озёрной тины. Вернувшись в спальню, она обнаружила, что её блокнот лежит раскрытым. На странице с записью «вторая пристань» кто-то аккуратно обвёл слова карандашом. На следующее утро Виктория спустилась к завтраку раньше остальных. Из кухни доносились стук посуды и голоса двух горничных, приехавших из деревни на дневную смену. Они говорили о ночном колокольчике. Одна уверяла, что слышала его даже

в саду; другая возразила, что ветер мог звенеть старым железом у оранжереи.

Виктория попросила показать ей планы дома. Ребекка нашла в кабинете свёрнутый чертёж, составленный во время перестройки. Между спальнями и служебной лестницей проходили пустоты, не отмеченные как комнаты. Детектив провела пальцем по тонкой линии, соединявшей библиотеку с западным крылом.

— Похоже на вентиляцию, — сказала Ребекка.

— Или на систему связи, которую позже перестали использовать. Она не поделилась подозрением о тайном наблюдателе. В подобных домах слишком много людей знали привычки друг друга. Угроза могла исходить не от того, кто громче всех рассказывал о призраках, а от того, кто тихо следил за реакцией окружающих.

Когда Виктория поднялась обратно, её дверь была прикрыта, хотя она помнила, что оставила её распахнутой. Ничего не пропало. Только занавеска, прежде заправленная за тяжёлый подхват, теперь свободно висела у окна. В саду под ним виднелись следы на размокшей земле. Ночью Виктория не стала ложиться сразу. Она устроилась в кресле возле двери, выключила свет и ждала. Дом постепенно затих: сначала исчезли голоса прислуги, затем перестали скрипеть ступени, и остался только дождь.

В коридоре послышался осторожный шорох. Под дверью мелькнула тень. Виктория резко распахнула дверь и увидела кошку, которая уронила с подоконника старую щётку. Она невольно улыбнулась собственной настороженности. Но на полу возле щётки лежал сложенный листок. На нём было

написано: «Посмотрите под портретом». В холле висело не меньше двадцати портретов. Послание могло означать что угодно — и именно поэтому было опасным: оно заставляло искать смысл там, где отправитель не дал ни одного проверяемого указания.

Виктория положила листок в конверт для улик и решила никому пока не показывать.

# Глава 4. Показания садовника

Утром Виктория нашла Альфреда Уитмора в оранжерее. Он обрезал засохшие побеги роз, стоя среди запотевших стёкол. Старик носил шерстяной жилет и говорил с медлительной осторожностью человека, который слишком долго хранил чужие секреты.

— Вы работали здесь, когда погибла Шарлотта?

Альфред говорил неторопливо, подбирая слова так, словно каждое приходилось выкапывать из тяжёлой садовой земли. Его ладони, широкие и потрескавшиеся, покоились на коленях. Когда Виктория спросила о старой тропе к воде, садовник сначала посмотрел на окно, за которым качались ветви тиса. Она дала ему время. Молчание пожилого свидетеля не обязательно означало ложь; иногда оно было привычкой человека, слишком долго прожившего рядом с хозяевами, чьи просьбы никогда не звучали как просьбы.

— Да. И когда погибла Беатрис. Тогда я был помощником садовника.

Альфред отложил секатор и вытер ладони о старую тряпку.

— Вы спрашиваете, кто ходил к плотине, мисс Эшфорд. Но там ходили многие. Рабочие, смотрители, дети, которые знали короткую тропу. Если кто-то скажет вам, что видел человека у воды, сначала спросите, откуда он смотрел.

— Почему это важно?

— Потому что из сада видно только верхнюю дорожку. А из оранжереи кажется, будто человек идёт к башне, хотя он сворачивает к пристани.

Виктория попросила садовника показать оба направления. Его объяснение не называло виновного, зато помогало проверить рассказы тех, кто спустя годы утверждал, будто видел определённого человека возле плотины.

В глубине оранжереи сохранился ряд старых глиняных горшков с фамильными метками. Альфред рассказал, что Шарлотта любила белые розы, но никогда не позволяла срезать их все сразу. Один цветок она оставляла на кусте даже перед заморозками.

— Для чего? — спросила Виктория.

— Говорила, сад должен помнить, что ещё не всё закончилось.

Садовник усмехнулся собственным словам, словно опасался показаться сентиментальным. Виктория не записала эту фразу как доказательство. Однако теперь белая роза перестала быть для неё только пугающим знаком. У неё была и другая, человеческая история.

Когда они вышли из оранжереи, Альфред остановился у низкой стены. Под камнями тянулся старый дренажный желоб.

— После сильных дождей здесь слышно воду, — сказал он.

— Иногда кажется, будто кто-то разговаривает под землёй.

— А вы когда-нибудь проверяли, откуда звук?

— Проверял. Вода и ветер. Но объяснить это тем, кто хочет услышать призрака, почти невозможно.

Виктория посмотрела на влажный камень. Она подумала, что самый надёжный способ скрыть настоящий поступок — окружить его десятком выдуманных чудес.

— Что вы помните о той ночи? Альфред отложил секатор.

— Шарлотта пришла ко мне вечером. Спросила, существует ли старая лодочная кладовая. Я сказал, что её снесли. Это была ложь. Он показал за окно на узкую тропу, уходящую в лес.

— Под восточной пристанью есть кирпичный тоннель. Когда-то он соединял дом с насосной станцией. Семья использовала его для доставки угля. Позже вход закрыли.

— Кто знал о нём?

— Эдвард, Джонатан и миссис Хейз. И, наверное, ещё кое-кто.

— Почему вы молчали? Старик долго смотрел на мокрые листья.

— Потому что в 1972 году я видел, как Беатрис ссорилась с мужчиной у озера. А на следующий день мне сказали, что я ничего не видел. У меня была жена и маленькая дочь. Я испугался.

— С кем она ссорилась? Альфред покачал головой.

— Я видел лишь силуэт. Но человек хромал на левую ногу. Виктория вспомнила Джонатана: за ужином тот вставал из-за стола с едва заметной осторожностью. Однако

тридцать лет назад ему было всего несколько лет, а в 1972-м он ещё не родился. Значит, садовник говорил о ком-то другом. На выходе Альфред задержал её.

— Если найдёте миссис Хейз, скажите, что я больше не стану молчать. В его голосе было столько страха, что Виктория решила немедленно проверить тоннель. Альфред повёл Викторию к старой яблоне, росшей за оранжереей. Под деревом стояла скамья с потрескавшейся спинкой.

— Здесь Беатрис любила читать, — сказал он.

— Она считала, что если человек боится правды, значит, правда кому-то нужна. Садовник рассказал о последнем лете Беатрис. В дом часто приезжали грузовики без опознавательных знаков. Ночью у шахты работали люди, хотя официально добычу давно прекратили. Однажды Беатрис вернулась с прогулки в испачканном пальто и попросила Альфреда не говорить, что видел её у старой дороги.

— Она была напугана?

— Нет. Скорее сердита. А это хуже. Испуганный человек прячется. Сердитый начинает действовать. Виктория спросила о детях в семье. Альфред задумался.

— Иногда сюда привозили мальчика. Он был примерно ровесником племянников хозяина. Но я не помню его имени. Мисс Беатрис всегда брала его гулять к теплицам. Виктория сделала пометку. История мальчика не укладывалась в документы, которые она видела. Ей хотелось понять, был ли он случайным гостем или человеком, чьё существование намеренно вычеркнули из семейной памяти.

Альфред отвёл её к старой насосной станции, стоявшей за зарослями ивы. Здание давно не использовали по назначению, но на ржавом замке виднелись свежие царапины.

— Когда я был молод, здесь работал механик, — сказал садовник.

— У него был сын. Мальчик всегда носил деревянную лошадку. Беатрис приносила ему книги.

— Вы помните имя механика?

— Роберт Марш. Он погиб при аварии в шахте, хотя шахта тогда уже считалась закрытой. Виктория попросила Альфреда повторить рассказ под запись. Старик согласился, но предупредил, что многие детали могли стереться из памяти. Ей понравилась эта оговорка: уверенные свидетели нередко ошибались чаще осторожных.

Вернувшись к дому, она записала фамилию Марш рядом с именем Сэмюэл. Теперь у мальчика появилась возможная история, которую можно было проверить по документам.

# Глава 5. Вторая пристань

Тропа к озеру была почти скрыта папоротником. Деревья росли так тесно, что даже в полдень под ними стояли сумерки. На берегу Виктория увидела первую пристань — широкую, каменную, с ржавой цепью. Дальше, за выступом скалы, обнаружилась вторая: низкая деревянная площадка, почти полностью затопленная. В зарослях ежевики она нашла железное кольцо, вделанное в каменную плиту. Плита поддалась не сразу.

Под ней уходили вниз узкие ступени. Воздух пах влажным кирпичом и железом. Виктория включила фонарь и спустилась. Тоннель тянулся в сторону дома. На стенах виднелись старые отметки уровня воды; по полу шёл узкий рельс для вагонетки. Через несколько десятков метров путь разветвлялся. Один ход заканчивался обвалом, другой вёл к деревянной двери.

Вторая пристань скрывалась за ивами. Доски, потемневшие от влаги, уходили в воду под неровным углом; железные кольца для лодок заржавели, но один из них выглядел заметно чище остальных. Виктория присела у края, не ступая на ненадёжный настил. Здесь не было ничего похожего на романтическое убежище: пахло тиной, на берегу лежали выброшенные волнами ветки. И всё же именно такое место подходило для встреч, которые не должны были замечать из окон главного дома.

За дверью находилась небольшая комната с полками. На столе стояла керосиновая лампа, а рядом лежали свежие батарейки, упаковка печенья и бутылка воды. Кто-то

пользовался этим местом совсем недавно. На полу валялся платок с вышитыми буквами «А. Р.». Виктория сфотографировала находку. Исчезнувшую экономку звали Дороти Хейз.

В углу стоял металлический шкаф. Замок был старым, но недавно смазанным. На дверце царапинами выведено:

На узкой тропе Ребекка остановилась, чтобы убрать с лица ветку орешника. Она шла впереди Виктории и то и дело оглядывалась на дом, который уже скрывался за деревьями.

— Я приходила сюда ребёнком, — сказала она.

— Бабушка запрещала нам подходить к воде без взрослых, но никогда не объясняла почему.

— Возможно, она просто боялась за вас. Здесь скользкий берег.

— Тогда зачем говорить, что у второй пристани нельзя даже останавливаться?

Виктория не ответила сразу. Дорожка действительно была опасной: мокрые камни лежали под тонким слоем листьев, а между корнями деревьев оставались ямы, заполненные тёмной водой. Она предложила Ребекке идти медленнее и не приближаться к краю.

За ивами они увидели старый причал. Несколько досок отсутствовало, на сваях висели обрывки каната. Виктория присела на сухом участке берега и сравнила расположение пристани с копией карты, которую взяла из библиотеки.

— На плане этого причала нет, — заметила Ребекка.

— План составлен позже. Или причал намеренно не включили. Пока мы не знаем.

Она сфотографировала каменный выступ и ржавое кольцо, вмурованное в скалу. Кольцо было закреплено прочнее, чем можно было ожидать от случайного рыбацкого места. Вдали, за полосой камыша, виднелось узкое устье канала.

— Здесь можно было разгружать лодки так, чтобы их не заметили из дома, — предположила Ребекка.

— Можно. Но нам нужны сведения о том, что именно здесь перевозили и когда.

На обратном пути они встретили Альфреда. Садовник нёс корзину с инструментами и, увидев карту в руках Виктории, остановился.

— Старый причал? — спросил он.

— Его перестали использовать ещё до того, как я пришёл работать. Но мой отец рассказывал о баржах. Небольших, с низкими бортами. Они ходили к насосной станции.

— Он говорил, что везли?

— Оборудование, уголь, иногда ящики. Отец не любил вопросы. Особенно когда управляющий был поблизости.

Виктория попросила Альфреда записать всё, что тот помнит из отцовских рассказов, и отдельно отметить собственные наблюдения. На обратной стороне карты она поставила карандашную пометку: «Пристань могла обслуживать работы у насосной станции. Проверить накладные и даты». Это было менее эффектно, чем тайный путь контрабандистов, зато оставляло место для правды.

«М. Б. 1972». Виктория осторожно открыла шкаф найденной на столе отвёрткой. Внутри оказались бухгалтерская книга, пачка писем и плёнка в жестяной коробке. Первое письмо начиналось словами:

«Дорогая Беатрис, если они узнают, что ты видела в ночь пожара, нас обоих уничтожат». В этот момент за её спиной щёлкнул замок. Виктория бросилась к двери. Она была заперта снаружи. Из коридора послышались удаляющиеся шаги. Она не стала кричать. Вместо этого обследовала стену и обнаружила старую вентиляционную решётку. За ней проходила узкая шахта к насосной станции. Через двадцать минут, испачканная ржавчиной и известковой пылью, Виктория выбралась наружу за оранжереей.

Она сохранила письма и плёнку. Но главное открытие было другим: человек, заперший её в тоннеле, знал, что она там находится. Пока Виктория изучала подземную комнату, она обнаружила на кирпичной стене ряд царапин. Они располагались слишком ровно, чтобы быть случайными. В свете фонаря стало видно, что это отметки роста ребёнка, а рядом выведены инициалы «Б. У.».

Детектив присела. Самая нижняя черта находилась совсем близко к полу. Значит, сюда приходили не только взрослые, занимавшиеся перевозками. Возможно, помещение служило укрытием во время семейных ссор или тайным местом для игр. Но зачем тогда на полках хранились документы о преступлениях? Она заметила в углу маленькую жестяную коробку.

Внутри лежала деревянная фигурка лошади со сломанной ногой и обрывок синей ленты. Виктория сфотографировала

вещи и вернула их на место. Такие предметы редко имели доказательную силу сами по себе, но могли заставить свидетеля вспомнить давно забытое. Позднее, выбираясь через шахту, она слышала, как за кирпичной перегородкой двигалась вода.

Звук был странным: сперва ровное журчание, потом глухой удар, словно где-то открывался тяжёлый затвор. Виктория поняла, что подземная система ещё действовала и кто-то умел ею управлять. После выхода из тоннеля Виктория тщательно осмотрела обувь. Красная глина налипла на каблуки и высохла плотной коркой.

Она собрала немного в бумажный пакет, надеясь сравнить её с образцами с берега. В оранжерее она встретила Ребекку. Та испугалась, увидев грязь на её одежде, и настояла, чтобы детектив выпила горячего чая.

— Вы могли там остаться, — сказала Ребекка.

— Именно на это и рассчитывал человек, заперший дверь.

— Вы думаете, он хотел вас убить?

— Я думаю, он хотел остановить расследование. Насколько далеко он готов был зайти, ещё неизвестно. За стеклом оранжереи темнело озеро. Ребекка призналась, что в детстве ей запрещали ходить к воде не из-за глубины, а потому, что «берег помнит чужие шаги». Виктория впервые услышала эту фразу и записала её дословно.

# Глава 6. Снимок, которого не должно быть

В местной фотолаборатории Виктория попросила оцифровать старую плёнку. Пока техник работал, она изучила бухгалтерскую книгу. В 1972 году через счета поместья проходили платежи несуществующей компании «Норт-Мир Транспорт». Деньги переводились ежемесячно, а затем внезапно прекратились — за три дня до гибели Беатрис. На фотографиях были изображены грузовики возле старой шахты, деревянные ящики и трое мужчин. Одного Виктория узнала сразу: отец Эдварда, сэр Уильям Уинтерборн. Вторым оказался управляющий того времени, Чарльз Кроуфорд. Третий стоял вполоборота, опираясь на левую ногу.

Старые фотографии требовали терпения. На одних люди улыбались в объектив, на других их лица расплывались из-за движения, а подписи на обороте нередко были сделаны спустя годы. Виктория разложила снимки по размеру бумаги и характеру рамок, прежде чем сравнивать изображённые места. Она заметила, что один и тот же участок берега менялся от фотографии к фотографии: сначала там виднелась низкая ограда, позднее — каменная площадка. Иногда перемены в пейзаже рассказывали больше, чем лица людей, стоявших перед камерой.

На обороте единственного отпечатка рукой Беатрис было написано: «Не уголь. Ночью. Двадцать первое сентября». Виктория позвонила инспектору полиции Генри Риду, который вёл дело об исчезновении Дороти. Он согласился

встретиться в кафе Роуэнби.

— Вы хотите сказать, что исчезновение экономки связано с финансовыми махинациями пятидесятилетней давности? — спросил он, просматривая снимки.

В фотолаборатории пахло нагретым пластиком и химическим раствором, хотя старые ванночки для проявки давно стояли без дела. Техник по имени Питер Грант положил плёнку на световой стол и показал Виктории несколько потемневших кадров.

— Видите эти царапины? — спросил он.

— Они появились давно. Я могу улучшить контраст, но дорисовывать то, чего нет, не стану.

— Именно этого я и прошу. Мне нужна копия того, что сохранилось.

На первом снимке виднелась дорога у плотины. На втором — грузовик с брезентовым верхом. Третий кадр был смазан, но на заднем плане угадывалась фигура возле служебной двери. Виктория удержалась от соблазна назвать человека по силуэту. Даже рост нельзя было установить надёжно: неизвестны были расстояние до камеры и положение фотографа.

— А дату можно определить? — спросила она.

Питер покачал головой.

— По самой плёнке — только приблизительно. На упаковке стоит год, но упаковку могли заменить. Спросите, кто снимал и где хранил негативы.

Виктория поблагодарила его. За окном фотолаборатории шёл мелкий дождь; на противоположной стороне улицы женщина складывала под навес цветочные горшки. Обычная жизнь маленького города резко отличалась от семейных легенд, которыми был окружён Уинтерборн-холл.

Вернувшись в машину, Виктория позвонила Генри и попросила проверить название компании из бухгалтерской книги. Он ответил, что начнёт с регистрационных архивов, но предупредил: отсутствие фирмы в современных базах ещё не доказывает, что она никогда не существовала.

— Мне важно другое, — сказала Виктория.

— Почему поместье платило ей именно в годы ремонта плотины?

— Это мы и выясним, — ответил инспектор.

Позднее, сравнивая увеличенные фотографии с архивными планами, Виктория заметила у дороги старый столб с номером участка. Номер оказался частично читаемым. Она обвела его на распечатке: впервые снимок давал не загадочное лицо, а конкретную точку, которую можно проверить по документам.

В библиотеке Ребекка долго рассматривала увеличенный кадр.

— Вы думаете, на фотографии Беатрис?

— Я думаю, кто-то стоял возле служебной двери. Это всё, что позволяет изображение.

— Но вы могли бы хотя бы предположить.

— Могу. Только тогда мы начнём подгонять остальные факты под предположение.

Ребекка положила снимок на стол. Ей явно хотелось услышать определённый ответ, но через некоторое время она сама принесла старый альбом с фотографиями дороги. Они стали сравнивать не людей, а изгиб ограды и форму крыши насосной станции. Так расследование продвинулось дальше, чем могло бы благодаря поспешной догадке.

— Пока я говорю, что кто-то продолжает пользоваться тайным тоннелем и запер меня там. А в нём лежали вещи пропавшей женщины. Инспектор перестал улыбаться.

— Почему вы не позвонили сразу?

— Потому что хотела понять, кто за мной следит.

— Это плохая привычка для частного детектива. Он взял копии фотографий и пообещал организовать официальный осмотр тоннеля. На прощание спросил:

— Вы знаете, что Дороти Хейз — моя тётя? Виктория удивилась. Генри пояснил, что вырос в соседней деревне, но давно не общался с ней. Когда он ушёл, официантка принесла забытый кем-то конверт. Внутри была фотография Виктория, сделанная утром у второй пристани. На обороте стояли три слова:

«Не доверяйте Риду». После встречи с инспектором Виктория зашла в приходской архив. Пожилая смотрительница миссис Миллер позволила ей изучить старые записи о ремонте кладбищенской стены и благотворительных взносах семьи Уинтерборн. Среди счетов обнаружился необычный платёж за срочное укрепление

дороги к озеру вскоре после смерти Беатрис.

— Почему именно тогда? — спросила Виктория.

— В ту осень шли дожди, — ответила смотрительница.

— Но мой отец говорил, что дорогу разрушили не ливни, а тяжёлые машины. В книге посещений нашлась запись о маленьком мальчике, которого Беатрис привела на рождественскую службу. Рядом с его именем кто-то оставил кляксу, скрывшую фамилию. Имя читалось отчётливо: Сэмюэл. По пути обратно Виктория думала о том, как семейные легенды превращают людей в призраков. Достаточно стереть имя с фотографии, перестать произносить его за столом, убрать письмо из ящика — и через поколение человек становится почти вымышленным.

Она не знала, связан ли Сэмюэл с нынешними событиями. Но впервые почувствовала, что история озера шире одной смерти. В архиве местной газеты обнаружилась заметка об аварии, в которой погиб Роберт Марш. Репортёр осторожно намекал, что работы в закрытой шахте продолжались. В следующем номере редакция напечатала опровержение. Автор первой заметки вскоре уехал из округа.

Виктория нашла его имя в старом справочнике, но телефон давно не обслуживался. Она попросила коллегу поискать потомков журналиста и вернулась к фотографиям. На одном снимке грузовик стоял рядом с дверью насосной станции. Теперь она знала, что это место было важнее, чем казалось. В тот же вечер ей позвонил незнакомый мужчина. Он спросил, интересуется ли она Робертом Маршем, а затем положил трубку. Номер оказался скрыт. Виктория не стала считать звонок угрозой: возможно, кто-то просто боялся

говорить. Но впервые расследование вышло за пределы семьи Уинтерборн.

# Глава 7. Голос за стеной

Вечером над Уинтерборн-холлом разразилась гроза. Электричество погасло, и дом погрузился в густую темноту, нарушаемую лишь редкими вспышками молний. Ребекка принесла свечи. Эдвард попросил оставить одну в библиотеке, где сидел перед холодным камином. Виктория вошла к нему с копией снимка.

— Кто третий мужчина? Эдвард долго рассматривал изображение.

Голос за стеной не повторялся по требованию. Виктория несколько раз прошла вдоль коридора, прислушиваясь к тому, как ветер проходит через вентиляционные решётки. У одной из них звук становился глуше, у другой — приобретал почти человеческую интонацию. Она представила, как легко услышать в нём знакомое слово, если заранее ждать послания. Но у этого объяснения оставался предел: кто-то явно знал, где звук будет слышен лучше всего, и мог использовать особенности дома, чтобы направлять чужой страх.

— Мой тесть, — наконец сказал он.

— Фредерик Лэнгфорд. Отец Шарлотты.

— Он хромал?

Свеча на библиотечном столе отбрасывала неровный свет на корешки книг. За окном гремел гром, и каждый порыв ветра заставлял стёкла едва слышно дрожать. Ребекка села у камина, обхватив ладонями чашку чая.

— Когда я была маленькой, мне говорили, что Шарлотта слышала голоса за стеной, — сказала она.

— Я думала, она разговаривает с кем-то, кого остальные не видят.

— Кто вам это рассказывал?

— Дороти. Хотя, возможно, я сама всё придумала. Дети часто запоминают не слова, а то, чего испугались.

Виктория попросила её описать место, где звук был слышен сильнее всего. Ребекка указала на коридор за библиотекой.

Они вышли туда с фонарём. Между деревянными панелями тянулась тонкая щель. Когда ветер усиливался, из неё доносился протяжный свист, а затем глухое бормотание. Виктория приложила ладонь к стене, почувствовала движение воздуха и отступила.

— Там есть пустота, — сказала она.

— Возможно, старый вентиляционный канал.

— И кто-то может говорить через него?

— Если канал соединяется с другим помещением, теоретически да. Но сначала нужно понять, куда он ведёт.

Эдвард, услышав их разговор, вышел из библиотеки. Его лицо оставалось неподвижным.

— В старых домах всегда что-нибудь шумит, — сказал он.

— Не стоит придавать этому значения.

— Вы знаете, где заканчивается канал? — спросила Виктория.

— Нет. Я не строитель.

Ответ был коротким, но Ребекка заметила, как дед посмотрел на закрытую дверь бывшей комнаты Шарлотты. Виктория тоже это увидела. Она не стала требовать объяснений при девушке, лишь записала, что Эдвард мог знать больше об устройстве дома.

Позднее Генри объяснил, что подобные каналы иногда соединяли комнаты прислуги с хозяйственными помещениями. Ветер мог усиливать звук, а речь — проходить на удивление далеко.

— Значит, никакой мистики? — спросила Ребекка.

— Звук можно объяснить, — ответила Виктория.

— Но если кто-то использовал канал, чтобы пугать людей, это уже отдельный вопрос.

Гроза постепенно отступала. В библиотеке снова загорелась лампа, и тёмные углы стали обычными углами. Ребекка не выглядела полностью успокоенной, но теперь у неё был вопрос, на который можно искать ответ, вместо страха, которому приходилось верить.

— После войны. Осколок в колене.

— Беатрис знала его?

— Слишком хорошо. Эдвард закрыл глаза. Виктория не торопила его.

— Фредерик организовал перевозку промышленного оборудования через заброшенную шахту. Часть грузов была краденой. Беатрис обнаружила документы. Она хотела обратиться в полицию. Вечером перед её гибелью я слышал ссору в кабинете сэра Уильяма.

— Вы видели, кто вышел?

— Нет. Я был трусом, мисс Эшфорд. И долго оставался им. В коридоре что-то глухо ударило в стену. Виктория вышла и услышала шёпот за деревянной обшивкой. Голос повторял: «Не открывай воду». Она отодвинула резную панель. За ней оказался старый переговорный канал — узкая медная труба, соединявшая комнаты прислуги. Внизу кто-то говорил, не зная, что звук доходит до коридора.

— Завтра ночью, — произнёс мужской голос.

— После этого дом можно продавать. Другой голос ответил так тихо, что слов было не разобрать. Виктория приложила к отверстию диктофон. Внезапно первая речь оборвалась, и по трубе прошёл протяжный свист. Она поняла: «призрачные голоса» могли быть устроены вполне земным способом.

Но когда она вернулась в библиотеку, Эдварда там не было. На кресле лежала его трость, а возле камина — мокрая полоска, словно кто-то только что вышел из воды. После разговора с Эдвардом Виктория попросила показать ей западное крыло. Ребекка отыскала связку ключей, и они вместе прошли через пыльный коридор.

Комнаты здесь выглядели так, словно хозяева покинули их поспешно: на креслах лежали чехлы, на полках стояли

чашки, в камине оставалась зола. В конце коридора находилась детская. На стене сохранились рисунки птиц и парусников. В шкафу лежали два одинаковых шерстяных шарфа, один красный, другой синий. Ребекка сказала, что никогда не слышала о детях, живших в этом крыле.

Виктория открыла ящик комода. Под стопкой старых открыток лежал листок с упражнениями по письму. На нём детской рукой было несколько раз выведено имя Сэмюэл.

— Возможно, он жил здесь, — произнесла она.

— Тогда почему мне никто не рассказывал? Вопрос остался без ответа. Снаружи дождь начал стихать. И в наступившей тишине обе услышали тихий звук, похожий на скольжение мебели по полу этажом ниже. Когда они спустились, коридор оказался пуст. На пыли у стены тянулся свежий след от колёс небольшой тележки.

В детской Виктория обнаружила за шкафом узкую щель. В ней застрял обрывок открытки с изображением морского побережья. На обратной стороне детской рукой было написано: «Когда я вырасту, вернусь и покажу тебе море». Ребекка долго держала открытку в руках.

— В этом доме никогда не говорили о море, — произнесла она.

— Только об озере. Будто за холмами ничего больше не существовало. Виктория объяснила, что открытка могла принадлежать Сэмюэлу, но пока не доказывала ничего о его дальнейшей судьбе. Она предложила Ребекке сохранить находку в отдельном пакете и передать полиции вместе с остальными вещами.

Позднее детектив заметила, что дверь детской запиралась снаружи. Возможно, это была обычная старая фурнитура. И всё же мысль о ребёнке, который мог остаться там один, не давала ей покоя.